

На родине Лажечникова

Бор. Пильняк

I

в Коломне, на родине Ивана Ивановича Лажечникова.

Здесь прошли его милые детство и отрочество, о которых с такой любовью и нежностью он говорит в своих воспоминаниях «Беленькие, черненькие и серенькие» и в романе «Немного лет назад», здесь впервые увидел он старинные башни, говорившие об ушедших веках, отсюда послал печатать первую вещь, — здесь, под сенью исторических башен, складывался характер писателя, автора исторических романов.

Я иду по улочкам городка. В небе точно расколослось солнце и брызжет раскаленными лучами. Заполдни — тот час, когда бывают миражи, когда видишь сны наяву.

И не мираж ли предо мною?! «Сон давних дней»...

Я в восемнадцатом веке — так должно было быть тогда! Улицы мощены огромными булыжинами, стоят дома архитектурных стилей позапрошлого века — барокко и классицизм. Вот тянется каменный забор с урнами на пиластрах и стоит навеселе «Эрмитаж»... А вот и дом. Я стою очарованный. На стенах лепка, виньетки, завитушки, крыльцо в парке, пиластры — барокко!.. Иду дальше. Еще дом, еще красивее, еще интимнее. На нем вывеска — Коломенская женская «Пушкинская» гимназия, на подъезде барельефы — головы Диониса и маленькие колонки — это уже примешался к барокко классицизм... На окраине города стоят заставы — по два маленьких белых домика с колоннами, полосатая будка иobelisks с гербами города на своих шпицах...

Но вот — я уже не в восемнадцатом, я в шестнадцатом веке. Я в Кремле. Стоят башни, высятся стены, поднимается собор, оставшийся от четырнадцатого века, вот церковь, где по преданию венчался с женою своею Дмитрий Донской, вот ворота, через которые он уходил воевать с Мамаем, — Пятницкие ворота, на них написано, когда и как это было, и стенопись воспроизводит прежнее — Дмитрия с воинством на конях, воеводу и горожан с хлебом-солью, духовенство, народ...

«Мир городу сему и всем, кто пройдет врата сии» — написано на них. Я прохожу их. Направо под холмом Москва-река, в которую впадает Коломенка. На Коломенке шумит мельница (в «Беленьких, черненьких и сереньких» она описана). За Московою-рекою луга и среди них — Бабренев монастырь (предание говорит, разбойник Бабрениа его основал). За Коломенкою — Запрудье. В «Запрудьи» родился Ив. Ив. Лажечников... Слева за Кремлем — базар, полукругом идут каменные ряды. Впереди Брусенский женский монастырь, а за ним видна Маринкина башня, — по преданию в ней схоронена Марина Мнишек...

Тихо, безлюдно, палит раскаленное солнце. Не мираж ли это?

Нет, не мираж. Так же описывал Коломну и Ив. Ив. Лажечников. Только с тех пор она не изменилась ничуть.

Есть на Руси города, которым давала история многое, но потом отнимала все. Так было с Коломною. Коломна в древних летописях упоминается почти на сто лет раньше Москвы, и долго эти два города конкурировали между собою. Тогда история первый раз отняла у Коломны все, сделав ее форпостом Москвы против рязанского княжества. Потом она опять получила многое.

Коломна лежит на слиянии Москвы-реки с Окою, на великом водном пути, и она стала торговым посредником между Поволжьем, Каспием, Персией и Москвою, — недаром в Коломне все купцы (Ив. Ив. Лажечников тоже происходил из купеческого рода). Коломна процветала, богатела, про нее говорили: «Коломна городок — Москвы уголок». Но тут, на рубеже позапрошлого и прошлого веков, в дни детства Лажечникова, история еще раз обделила Коломну — отняла у нее Москву-реку и Оку: реки обмелели (от этого разорился, между прочим, отец Лажечникова, взявший постав соли для всей Московской губернии и не выполнивший его благодаря невозможности доставить его водным путем). И от дней детства Ив. Ив. Лажечникова до теперешних дней — Коломна осталась такою же, замерев, разве чуть подряхла...

Такою, как сейчас она, видел ее и Ив. Ив. Лажечников.

II

Но где он родился, где тот дом, в котором он играл и по-детски озорничал? Я знал из автобиографии, что родился он в Запрудье и что в скорости после рождения переехал в новый дом в центре, на Астраханскую улицу.

Старая история! Я ходил, спрашивал — сначала у общественных деятелей, потом у старожилов, — никто не знает. Лишь случайно, у старичка на улице, я узнал о «новом доме». Старичок, согбенный и белый, сидел у калитки, греясь на солнце.

— Не знаете-ли, дедушка, где тут дом, в котором раньше жили купцы Лажечниковы? — спросил я.

— Что, батюшка? Слышу плохо, — ответил он тихо, по-старчески безсильно.

Я повторил вопрос.

— Про сочинителя Ивана Ивановича хочешь знать? — ответил он. — Как-же, знаю, знаю... Самого видали, самого его, батюшку Ивана Ивановича...

«Сон давних дней!..»

— Самого? Когда? Где?!

— Спервоначально жили они на Запруде. Это, конечно, не при мне было, я еще не родился, и про то, где старый дом, я спросил, никто не знает: не то цел он, не то разобрали его, не знаю, думаю только, что его и нет больше совсем. А новый дом — вот он, против Иоанна Богослова, теперь в нем купец Нестеров живет... Конечно, когда здесь Иван Иванович мальчиком жил, я тоже не помню, потому еще не родился. А я из крепостных господина Сазонова, в оркестре у него на пиколе играл. Иван Иванович тогда приезжали сюда уже офицером, а потом чиновником, приходили к нашему барину в гости уж в зрелом возрасте. Обходительный барин были, дали раз мне на чай рубль ассигнациями. Я на пиколе играл...

Больше он ничего не рассказал, забыл все уже... «Сон давних дней»!

III

Я иду к купцу Нестерову.

Дом стоит на главной улице, против него Иоанн Богослов, левее Брусенский монастырь, совсем налево — видна Маринкина башня, справа базар, торговые ряды, вдалеке видна Спасская церковь, сохранившаяся от тринадцатого века.

Дом отодвинулся от уличного ряда вглубь двора. Ворота на улицу — две колонны — уже

развалились. Налево во дворе белые каменные службы, направо белый флигель. Дом большой, белый, двухэтажный, каменный, без всяких украшений снаружи, с широкой лестницей парадного, с двустворчатым парадным входом. За домом парк, от прежнего осталось несколько лип. Над парком висит терраса.

Я звоню, говорю, зачем пришел. Меня любезно выпускают.

И опять — «сон давних дней»!

Дом, как все старинные дома, имеет внизу кладовые за решетчатыми окнами и людские комнаты — кухня, лакейская, девичья. Наверх ведет широкая, темноватая лестница, но наверху широкая передняя, с двумя большими окнами. Из передней направо и налево анфилада комнат, паркетные полы, лепные потолки, камин. Здесь жил Лажечников... Комнаты, как во всех старых домах, — проходные. Вот, верно, была гостиная, вот кабинет, вот зал, откуда дверь на террасу, вот, верно, была столовая — сюда ведет узкая лесенка снизу, а вот, верно, детская... Большая комната с большими окнами, здесь уже простые потолки и крашеный пол... Здесь слушал Ив. Ив. нянины сказки, отсюда любовался на Кремль...

Неудобно долго быть в чужом доме, особенно, когда около стоит ждущий человек.

Я быстро прохожу по комнатам и спускаюсь вниз... Здесь ходил, здесь был грустен и радостен Ив. Ив., здесь он написал первую свою вещь... здесь он любил первый раз... здесь первый раз омрачились его глаза грустью об уходящем, — когда он смотрит на Кремль. Сейчас здесь живет купец Нестеров, но он ничем не виноват.

«Сон давних дней»...

Я иду в Кремль. Солнце ушло к западу. В церквях звонят к вечерне. Древний старик все еще сидит у калитки.

— Ну, что, видал? — спрашивает он и улыбается.

— Видал.

— Вот здесь и жили. Богато жили. Потом, конечно, обеднели, и продали все. Теперь купцы там живут... Я на пиколе играл у господина Сазонова...

— Давно это было?..

— Да вот, посчитай... Мне теперь сто три года...

Сон давний!.. В Брусенском монастыре, рядом над нами, ударил колокол. Старик перекрестился, посмотрел в небо и заснул на солнце — прикрыл глаза.

Я тихо побрел по улочкам.